

A serene landscape photograph of a sunset over a calm lake. The sky is filled with vibrant orange, yellow, and purple clouds, with the sun low on the horizon. The water reflects the colors of the sky. In the foreground, two people are seen from behind, sitting in a small canoe on the water. The lake is bordered by dense evergreen trees on both sides.

Роман с пряником

Алексей Светлаков

18+

Алексей Светлаков

Роман с пряником

<https://litres.ru/73542793>

SelfPub; 2026

Аннотация

О чём молчат мужчины, когда им за сорок?

Алексей Молчанов — обычный мастер на заводе. Днём он ремонтирует станки, а по ночам пишет роман о рыбаке Арктуре и принцессе Беатрис. Три года он тайно влюблён в секретаршу Наталью, но боится даже заговорить. Единственное, на что решается — каждую неделю подкладывает на её стол спелое яблоко.

Всё, что не может сказать вслух, он доверяет бумаге: страх перед новыми чувствами, память об ушедшей жене, надежду на чудо. Но однажды грань между вымыслом и реальностью стирается...

Это история о втором шансе, о том, как трудно решиться на первый шаг, когда за плечами боль потерь. И о том, что даже самая горькая жизнь может оказаться сладкой — как тот самый пряник.

«Жизнь — она как пряник. Сладкая, пряная, иногда чуть горчит. Главное — не бояться откусить».

Для тех, кто верит в любовь не с первого взгляда, а с первого понимания. Для всех, кто боится признаться в своих чувствах.

Содержание

Повесть	4
Пролог. Пряничный человечек	5
Книга первая. Зона отчуждения	10
Глава 1. За пятнадцать минут до будильника	10
Глава 2. Глаза цвета байкальской воды	15
Глава 3. Терапия творчеством	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Светлаков

Роман с пряником

Повесть

Посвящается тем, кто боится сделать первый шаг

Пролог. Пряничный человечек

Всё началось с пряника.

Не с того, что продают в кондитерских Тулы — медового, с орешками и затейливой глазурью, напоминающей кружево. И не с того, что бабушка пекла по праздникам, когда мир был большим и добрым, а смерть казалась такой же невозможной, как полёт на Луну.

С другого. С того, который не съешь, не понюхаешь, не потрогаешь. С того, что живёт в самой глубине грудной клетки — там, где у людей сердце, а у Алексея Молчанова уже четыре года зияла тихая, затянутая паутиной пустота.

С мечты.

Алексей Тихонович Молчанов, сорока пяти лет, мастер производственного цеха на совместном российско-корейском предприятии, хорошо знал, что такое настоящий пряник. В детстве, в деревне под Калугой, бабка Агафья пекла их к Рождеству — румяные, душистые, с корицей и кардамоном, от которых по всему дому разливалось такое тепло, что даже лютые январские морозы отступали. Он любил подолгу рассматривать ледяные узоры на стёклах, а потом переводить взгляд на сахарные завитки пряников, находя в них сходство: те же причудливые замки, те же сказочные птицы, та же неприступная красота.

А потом съедать — медленно, смакуя, откусывая микроскопические кусочки, чтобы продлить удовольствие до бесконечности.

Детство кончилось в девяносто первом. Бабка умерла от разрыва сердца, когда рухнула страна, а вместе с ней — её сберкнижка. Пряники остались только в памяти, навсегда связавшись с запахом деревенского дома, скрипом половиц и бабкиными руками — узловатыми, в тёмных венах, но такими тёплыми.

Привычка искать в жизни сладкое осталась.

Днём Алексей был обычным человеком. Вставал в семь, пил растворимый кофе «Пеле» — дешёвый, но бодрящий, одевался в неизменные джинсы и клетчатую рубашку и ехал на завод. Там текли свои будни — отчётность, планерки, перекуры с дядей Колей, вечные претензии начальства. Жизнь текла ровно и предсказуемо, как Волга в среднем течении. Сытая, но безрадостная.

Но ночью начиналось другое.

Ночью, когда город засыпал, когда за окном гасли огни и только фонари гудели на одной унылой ноте, Алексей садился за старенький ноутбук — подарок жены, сделанный за месяц до того, как всё пошло прахом. Пальцы ложились на клавиатуру, и начиналось волшебство.

Он становился Арктуром.

Созвездие Волопаса он разглядел случайно в ту самую

ночь, когда хоронил Анну. Вышел на балкон глотнуть воздуха, задрал голову к небу — и увидел. Арктур, самая яркая звезда Северного полушария. Древние греки называли его «Стражем Медведицы», он всегда светил ровно, уверенно, не мигая. Таким Алексей хотел быть для неё в последние полгода. Таким он хотел быть для себя сейчас.

Арктур — благородный герой без страха и упрёка. Тот, кем Алексей Молчанов не был никогда.

А она — та, о ком он боялся думать днём, — становилась Беатрис. Имя пришло само, выплыло из школьной программы по литературе. Беатриче — возлюбленная Данте, проводница в рай. Только его Беатрис была не проводником, а наоборот — той, кого нужно спасать. Потому что в реальности Алексей не мог спасти никого.

В этом выдуманном мире они могли быть вместе.

Всё началось с неё. С Натальи Сергеевны.

Так, по отчеству, официально и холодно, он называл её на работе. Про себя же — в мыслях, в бессонных ночных бдениях, в черновиках романа — просто Наташа. Секретарша начальника, женщина с глазами такого небесного оттенка, что Алексей всякий раз терял дар речи, стоило ему оказаться в трёх метрах от неё.

Она появилась в его жизни три года назад, когда он только устроился на завод после долгого запоя, в который провалился на второй год после Аниной смерти. Зашёл в приём-

ную с бумагами — помятый, небритый, с трясущимися руками — поднял глаза и... пропал.

Потому что таких глаз он не видел никогда. Голубых, как Байкал на самой глубокой фотографии, которую он когда-либо рассматривал в интернете. Глубоких, как сама вечность. И в них не было ни жалости, ни брезгливости — только спокойное, ровное внимание.

— Вы к Борису Петровичу? — спросила она тогда, и голос её прозвучал для него как первая музыка после долгой тишины.

— Да, — выдавил он, чувствуя, как предательски краснеют щёки. В сорок два года, после всего пережитого — краснеть, как мальчишка.

— Проходите, он вас ждёт.

Она улыбнулась. Легко, одними уголками губ. И эта улыбка врезалась в память навечно.

С тех пор прошло три года. Три года он смотрел на неё, слушал её голос в коридорах, вдыхал запах её духов, случайно задерживаясь в приёмной дольше необходимого. Три года боялся подойти, заговорить, признаться.

Страх этот был особой природы — не только страх отказа (это он пережил бы), но и страх предать память. Четыре года назад Анна, угасая в больничной палате, сжимала его руку исхудавшими пальцами и шептала: «Живи, Лёша. Обещай мне, что будешь жить. Не застынь».

Он обещал. И старался выполнить обещание — работал,

ходил в магазин, платил за квартиру, даже бросил пить. Но внутри, в том самом месте, где когда-то жила душа, образовалась пустота. Холодная, звенящая пустота, которую ничем не заполнить.

Легче было любить её издалека, в тайне, ни на что не надеясь. Легче было написать о ней роман.

Книга первая. Зона отчуждения

Глава 1. За пятнадцать минут до будильника

Он проснулся в 6:45, как всегда, за пятнадцать минут до будильника. Эта привычка выработалась за годы работы — организм сам знал, когда пора вставать, и не доверял механизмам. За пятнадцать минут можно было успеть подумать о важном, пока утро ещё не ворвалось в сознание со всей своей неумолимой обыденностью.

За окном моросил октябрьский дождь. Город встретил утро серым, размытым лицом — стёкла текли мутными разводами, небо давило на крыши пятиэтажек, и весь мир казался выцветшей акварелью, которую забыли убрать из-под дождя. Алексей вздохнул, натянул тренировочные штаны с пузырями на коленях и поплёлся на кухню ставить чайник.

Квартира была маленькой — однушка в хрущёвке на окраине, доставшаяся от бабки. Мебель старая, ещё ленинградских времён, с вытертой до дыр обивкой. Книжные стеллажи вдоль стен ломились от книг — здесь были и классики в потрёпанных томах, и детективы в мягких обложках, купленные в переходах, и фантастика, и сборники стихов, кото-

рые Алексей иногда перечитывал перед сном, шевеля губами. Единственным современным предметом в квартире был старенький ноутбук на письменном столе — его тайная гордость, главное сокровище и одновременно орудие пытки.

Но самое ценное хранилось в серванте — фотография Анны в деревянной рамке. Четыре года прошло, а он всё ещё иногда разговаривал с ней по ночам. Спрашивал совета. Рассказывал о работе. О Наташе — молчал. Стыдно было.

Чайник закипел. Алексей заварил дешёвый растворимый кофе, намазал маслом кусок вчерашнего батона — хлеб уже чуть заветрился, но есть можно — и сел к окну. Завтрак занял ровно семь минут. Размеренная жизнь имеет свои преимущества: никогда не опаздываешь.

В голове уже крутились мысли о работе. Сегодня плановая проверка цеха из головного офиса. Приедут важные люди в дорогих костюмах, будут ходить с умными лицами и тыкать пальцами в станки, о которых имеют самое смутное представление. Борис Петрович наверняка будет нервничать и срываться на подчинённых. Надо проверить станки, пробежаться по отчётности, надраить цех до зеркального блеска...

Но среди этих привычных мыслей жила и другая — та, что согревала его холодным утром уже третий год.

Наталья Сергеевна.

Он увидит её сегодня. Обязательно увидит, даже если придётся придумать для этого дурацкий предлог. Может быть, даже услышит её голос — мягкий, чуть с хрипотцой,

от которого у Алексея внутри всё переворачивалось и замирало одновременно. Может быть, она улыбнётся ему, проходя мимо с бумагами, и этот день станет чуточку светлее, чуточку выносимее.

— Стыдно, Лёша, — сказал он сам себе, глядя на отражение в тёмном окне. Сорок пять лет, седина на висках, мешки под глазами. А ведёт себя как подросток. — Влюбился, как мальчишка. А подойти боишься.

Молчание было ему ответом. Только дождь стучал по подоконнику, отсчитывая минуты до начала нового дня.

Он допил кофе — горький, обжигающий, — помыл чашку, оделся и вышел.

Пять этажей пешком. Автобус до остановки «Заводская», двадцать минут тряски в переполненном салоне, где пахнет мокрой одеждой и чужими телами. Потом проходная, вахтёрша тётя Зина с вечным вопросом «Ну чё, Молчанов, как жизнь?» и её же вечным ответом «Ладно, проходи, чего уж там», не требующим ответа.

И наконец — завод. Огромный, гудящий, пахнущий металлом и машинным маслом. Второй дом. Убежище. Место, где можно спрятаться от самого себя.

Цех встретил Алексея привычным шумом станков. Где-то взвизгнуло сверло, где-то зашипел пневматический привод — симфония труда, знакомая до последней ноты. Рабочие уже переодевались, готовились к смене. Молодой парень Серёга Соколов, только вернувшийся из армии, махнул рукой:

— Лёха, привет! Слыш, комиссия едет?

— Слышал, — кивнул Алексей, стряхивая с куртки капли дождя. — Ничего страшного, главное — не дёргаться. Работайте как обычно.

— Легко сказать, — Серёга почесал затылок, отчего его ёжик ещё больше взлохматился. — Петрович уже с утра бешеный. В приёмной на всех орёт. Я заходил ведомость отнести — думал, съест.

Сердце Алексея ёкнуло. Приёмная. Там она.

— Прорвёмся, — сказал он как можно равнодушнее и пошёл в раздевалку.

Переодеваясь в рабочую робу — синюю, вытертую на локтях, но чистую, — он поймал себя на том, что думает не о станках и не о проверке. О ней. О том, как она сегодня выглядит. О том, улыбнётся ли ему. О том, заметит ли вообще.

— Молчанов, ты чего застыл? — окликнул его напарник дядя Коля, немолодой уже мужик с лицом, изъеденным многолетней работой в цехе. — Мечтаешь, что ли? Комиссия на носу, а он в прострации.

— Да нет, — смутился Алексей, натягивая робу. — Задумался просто.

— О бабе небось, — дядя Коля хитро прищурился, отчего его и без того узкие глаза превратились в щёлочки. — Вижу, вижу, как ты на секретаршу нашу заглядываешься. Ты это, не робей. Подойди, познакомься. В моём-то возрасте уже всё равно, а тебе ещё жить да жить.

— Да я знаком, — буркнул Алексей, застёгивая пуговицы.

— Работаем вместе.

— Работаете, а толку? — дядя Коля вздохнул и закурил, хотя курить в раздевалке было строжайше запрещено. — Эх, молодёжь. В наше время проще было. Увидел девушку — подошёл, познакомился, в кино пригласил. А вы всё боитесь чего-то. Цифровой век, блин.

Алексей ничего не ответил. Он действительно боялся. Но страх этот был сложнее, чем просто боязнь отказа. В нём смешалось всё: память об Ане, и чувство собственной неполноценности, и понимание, что он уже немолод и некрасив, и та особенная трусость, которая свойственна людям, однажды пережившим большое горе. Они боятся нового счастья, потому что знают, как больно его терять.

Легче было любить её издалека.

Легче было написать о ней роман.

Глава 2. Глаза цвета байкальской воды

Рабочий день тянулся медленно, как патока. Около одиннадцати позвонил Борис Петрович — голос в трубке звучал раздражённо, с металлическими нотками, не предвещавшими ничего хорошего:

— Молчанов, зайди с отчётом! Живо!

Алексей вздохнул, собрал бумаги — те самые, которые переделывал вчера до девяти вечера, — и направился в административный корпус.

Каждый шаг по длинному коридору приближал его к приёмной. Сердце билось чаще, дыхание сбивалось. Ладони вспотели так, что бумаги грозили размокнуть. Он мысленно выругал себя за это мальчишеское волнение — сорок пять лет, седая борода, а ведёт себя как подросток перед первым свиданием.

И вот она — стеклянная дверь с табличкой «Приёмная», за которой начинается зона отчуждения его спокойствия. Алексей толкнул дверь и вошёл.

Она сидела за своим столом и печатала. Солнечный зайчик от настольной лампы — несмотря на дождь за окном, в приёмной горел электрический свет — играл в её светлых волосах, собранных в аккуратный пучок на затылке. Глаза

— небесно-голубые, чистые, глубокие — были устремлены в монитор. Она не заметила его появления, и Алексей позволил себе секунду просто смотреть на неё. Запоминать. Копить в памяти, как скупец копит золото.

На ней была строгая белая блузка и тёмная юбка — обычная офисная униформа, ничего особенного. Но для Алексея каждая деталь была значима: как лежит воротничок, как блестят серёжки-гвоздики в ушах, как чуть заметно шевелятся губы, беззвучно проговаривая то, что она печатает.

— Алексей Тихонович? — она подняла глаза и улыбнулась — той самой улыбкой, которая три года не давала ему покоя. — Вы к Борису Петровичу?

— Да, — выдавил он, чувствуя, как предательски краснеют щёки. — Отчёт принёс. По плановой проверке.

— Проходите, он вас ждёт. Только... — она сделала паузу и понизила голос почти до шёпота: — Он сегодня не в духе. Комиссия уже звонила, чем-то недовольна. Вы поосторожнее.

Алексей моргнул. Она предупреждала его. Заботилась о нём. Это было так неожиданно и так тепло, что у него перехватило дыхание.

— Спасибо, — выдохнул он. — Наталья Сергеевна.

— Не за что, — она снова улыбнулась и кивнула на дверь кабинета. — Идите, не заставляйте ждать.

Он вошёл в кабинет начальника, чувствуя себя так, будто его окатили ледяной водой, а потом сразу же — тёплым

молоком. Глупо, конечно. Чего он ждал? Что она вскочит и бросится ему на шею с криком «наконец-то»?

Борис Петрович, грузный мужчина с багровым лицом гипертоника, был мрачнее тучи. Проверка прошла неважно, комиссия нашла кучу недостатков, и теперь начальник искал, на ком сорвать злость. Алексей попал под раздачу первым номером.

— Ты что мне принёс?! — заорал Борис Петрович, даже не глядя в бумаги, которые Алексей положил на стол. — Это же халтура! Где показатели за прошлый месяц?! Где график планово-предупредительных ремонтов?! Ты чем вообще думаешь, Молчанов?!

— Всё там, Борис Петрович, — попытался возразить Алексей, но голос его прозвучал неуверенно, срываясь на фальцет. — Просто оформлено по новой форме, которую прислали из головного. Я же не сам придумал...

— Меня не волнует форма! Меня волнует результат! — начальник швырнул папку на стол так, что бумаги разлетелись веером. — Переделать! К завтрашнему утру! И чтоб без ошибок! А не то...

Он не договорил, но и так было понятно. Алексей кивнул, собрал разлетевшиеся листы и вышел.

Проходя через приёмную, он снова взглянул на неё. Она смотрела на него с таким сочувствием, что у него защемило сердце.

— Тяжёлый день? — тихо спросила она, когда он порав-

нялся с её столом.

— Бывает и хуже, — усмехнулся Алексей, стараясь, чтобы усмешка вышла не слишком горькой. — Привык уже.

— Держитесь, — улыбнулась она, и в этой улыбке было столько тепла, сколько Алексей не получал за последние годы от всех знакомых вместе взятых. — У него просто нервы. Проверка эта... Все переживают.

— А вы не переживаете? — спросил Алексей и сам удивился собственной смелости. Он даже остановился, чего обычно не делал.

— Я? — она пожала плечами, и это движение вышло удивительно грациозным. — Я уже привыкла. Секретарь должен быть скалой. Всё пропускать мимо ушей. Иначе с ума сойдёшь.

— Скала, — повторил Алексей и почему-то смутился ещё больше. — Ну, я пойду. Работать. Бумаги переделывать.

— Удачи, Алексей Тихонович.

Она снова улыбнулась, и эту улыбку он унёс с собой в цех. Унёс и спрятал глубоко в сердце — в тот самый потайной ящичек, где хранились воспоминания об Ане. Впервые за четыре года он положил туда что-то новое.

В тот же день случилось неожиданное.

Когда Алексей уже собирался уходить — рабочий день закончился, цех затихал, только дежурная смена оставалась на посту, — его окликнули в коридоре административного кор-

пуса.

— Алексей Тихонович, постойте!

Он обернулся. Наталья Сергеевна стояла у дверей приёмной с пакетом в руках. Вид у неё был немного смущённый, даже виноватый.

Она подошла и протянула ему красное яблоко. Наливное, крупное, с зелёным бочком и капельками дождя на глянцевой кожице.

— Вот, возьмите. У нас тут стресс-менеджмент по-секретарски, — она улыбнулась, но в улыбке сквозило что-то ещё, чего Алексей не мог определить. — Борис Петрович сегодня особенно суров. Яблоко поднимает настроение. Проверено на себе.

Алексей взял яблоко. Оно было тяжёлым, прохладным, пахло осенью и чем-то невероятно родным, забытым. Садам. Детством. Бабкиным домом в Калужской области.

— Спасибо, — выдохнул он. И добавил, собрав всю волю в кулак: — Наталья Сергеевна.

— Не за что, — она кивнула и пошла к выходу, цокая каблучками по кафельному полу.

Алексей долго смотрел ей вслед, сжимая яблоко в руке. Потом медленно поднёс его к лицу и вдохнул запах. Закрыв глаза.

Когда он открыл их, коридор был пуст.

Глава 3. Терапия творчеством

Домой Алексей вернулся около восьми. Сварил пельмени — «Мясной дворик», триста грамм за сто двадцать рублей, — поужинал, глядя в телевизор, где шла какая-то старая комедия с бездарным переводом. Посмотрел новости — всё как всегда, всё предсказуемо.

Но с каждым часом приближалось то время, ради которого он, в сущности, и жил.

Около одиннадцати, когда за окном стихли звуки города — последние машины проехали, последние подвыпившие прохожие разбрелись по домам, — Алексей сел за стол и включил ноутбук. Рядом, словно талисман, лежало то самое яблоко. Алексей не решался его съесть — оно казалось особенным, почти сакральным. Он сидел перед ноутбуком, смотрел на красный бок и думал о ней.

Она дала мне яблоко. Просто так. Потому что пожалела.

Эта мысль грела его весь вечер, не давая провалиться в привычную депрессию. А потом он открыл роман.

Первые несколько минут он просто перечитывал написанное вчера. Потом пальцы легли на клавиатуру. Но сегодня что-то мешало. Образ Анны встал перед глазами с неожиданной отчётливостью. Не тот, последний — измученный, жёлтый, с провалившимися глазами, — а другой, живой. Она смеётся на кухне, размахивая половником. Она читает ему

вслух Бродского, коверкая ударения. Она спит, свернувшись калачиком, уткнувшись носом ему в плечо.

Алексей откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Четыре года. Четыре долгих года, каждый из которых тянулся как век.

Аня ушла быстро — полгода от диагноза до конца. Рак поджелудочной. Сначала боли, которые она героически скрывала, потом больницы, потом хоспис. А потом — тишина. Он помнил её руку в своей, когда она уходила. Худую, почти невесомую, с обручальным кольцом, которое болталось на пальце. Помнил, как смотрел на это кольцо и думал: «Она же была такая живая. Как это вообще возможно?»

Странно, но сегодня он вспомнил не это. Он вспомнил, как она смеялась над подгоревшим пирогом — в первый год их супружеской жизни. Как они дурачились в новогоднюю ночь, наряжая ёлку, и она нацепила мишуру ему на голову, объявив его королём праздника. Как она любила, когда он читал ей вслух — Чехова, Набокова, даже технические инструкции, если под рукой не было ничего другого.

— Живи, Лёша, — прошептала она тогда, в последний час. — Обещай мне, что будешь жить. Не застынь, как статуя. Обещай.

Он обещал. И старался выполнить обещание. Работал, ходил в магазин, платил за квартиру, даже начал понемногу выбираться из дома — в кино, в библиотеку. Но внутри, там, где когда-то жила душа, было пусто. Холодно и пусто, как в

зброшенном доме.

А потом появилась Наташа.

Он открыл глаза и посмотрел на яблоко. Протянул руку, погладил гладкую, прохладную кожуру.

— Ты бы её одобрила, Ань, — тихо сказал он в пустоту.
— Она добрая. И глаза... я таких не видел никогда.

Тишина была ему ответом. Но в этой тишине вдруг почувдилось что-то тёплое, разрешающее. Как будто кто-то невидимый кивнул и улыбнулся.

Алексей вздохнул, поднёс яблоко ко рту и откусил. Оно было кисло-сладким, сочным, хрустящим — звук разнёсся по тихой квартире, как выстрел. Вкус жизни.

Пальцы снова легли на клавиатуру.

Из романа «Принцесса и рыбак»

В портовом кабаке «Чёрные паруса» всегда было шумно, грязно и пахло дешёвым пойлом, которое здесь называли вином. Но сегодня здесь стояла непривычная тишина — та особенная тишина, которая бывает перед бурей. Трое угрюмых мужиков в промасленных робах сидели за дальним столом и хмуро смотрели в кружки, не решаясь поднять глаза друг на друга.

— Слышь, Арктур, — толкнул локтем Сыч, здоровенный детина с наколками на предплечьях, изображавшими почему-то не голубей или якорей, а сложный геометрический орнамент. — Ты чего нос повесил? Работа есть работа. За баб-

ки любую сделаем.

— Работа, — глухо повторил Арктур, не поднимая глаз. Он крутил в мозолистых пальцах перочинный ножик — единственную ценную вещь, что осталась от отца. Лезвие тускло поблёскивало в свете коптилки, и этот блеск гипнотизировал. — Сказали, лодку починить. А мы, выходит, девок воровать приехали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.